

быть произведено самим собой, ибо не является причиной самого себя; значит, оно должно получить бытие от чего-то другого. Предположим, что это А; если А — абсолютно первое, то мы получаем наш вывод; если А — не первое, то оно является вторичной причиной, которая имеет другую причину. Предположим, что эта предыдущая причина есть В, и проведем относительно нее те же рассуждения, что и относительно А: в этом случае мы либо устремимся в бесконечность, что абсурдно, поскольку тогда ничто не будет обладать производительностью из-за отсутствия первопричины, либо остановимся на абсолютно первом, что и требовалось доказать.

Та же аргументация позволяет установить необходимость предельной цели, которая сама по себе не есть цель, но является предельной целью всего остального; тогда, помимо прочего, нужно положить последний предел в порядке совершенства и в порядке бытия. Получаются, таким образом, три «первых первенства» или, лучше сказать, три «первоначала», ибо то, что есть первое как причина, по необходимости совпадает с тем, что есть предельная цель, и с тем, что есть высшее совершенство. Остается доказать, что это «первое» во всем порядке бытия есть, или существует. Поскольку мы действуем в качестве метафизиков, это нужно доказывать исходя из свойств бытия. Единственный способ добиться этого — установить, что существование «первого» есть не факт (что означало бы доказывать это эмпирически и только как возможное), а необходимость. Это можно доказать, так как то «Первое», кото-

рое мы полагаем необходимым на всех уровнях, по крайней мере возможно. Но по определению первопричина сама не имеет причины; значит, беспричинную причину мы считаем по меньшей мере возможной. Тогда выдвигаются две гипотезы относительно данного предмета: первопричина либо существует, либо не существует. Эти гипотезы противоречат друг другу, а если имеются два противоречивых утверждения, то истинно только одно. Итак, предположим, что беспричинной причины не существует. На каком же основании она могла бы не существовать? Может быть, в силу причины ее несуществования? Но первопричина не имеет причины. Может быть, потому, что, будучи возможной, она была бы несовместима с другой какой-либо возможностью? Но тогда по определению невозможна ни она, ни какая-либо другая причина. На самом же деле, если первопричина, не имеющая своей причины, возможна, то она возможна сама по себе, поскольку не имеет причины. Но так как невозможно допустить какую-либо причину, которая могла бы иметь следствием собственное несуществование, остается сделать вывод, что ее несуществование невозможно. Бытие, несуществование которого немислимо, существует необходимо.

Нерв аргумента — это внутреннее требование быть, скрытое за понятием первоначала (желания быть первым) в порядке причинности. Возможность того, чье бытие причинно, не обязательно влечет за собой его действительное существование, но то, что исключает всякую внешнюю или внутреннюю причину относительно своего бытия, не существовать не может: «*excludendo omnem causam aliam a se, intrinsecam et extrinsecam, respectu sui esse, ex se est impossibile non esse*». Короче, если первое бытие возможно, то оно существует. Концептуальный характер этой аргументации не меняет ее природы. Дуне Скот знает, что можно исходить из эмпирического факта, что есть чем-то вызванное движение и есть следствия, имеющие причины; он знает также,